

Люди наследуют счастье...

СЕГОДНЯ НА ЭКРАНЫ СТОЛИЦЫ ВЫШЕЛ НОВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ «ВСЕ ОСТАЕТСЯ ЛЮДЯМ»

БЕССМЕРТИЕ АКАДЕМИКА ДРОНОВА

КАК ДОВЕДЬСЯ, чтобы дело, которому человек отдал весь жар своего сердца, жило и тогда, когда человека уже нет?

Этот вопрос ставит перед зрителем новая работа «Ленфильма» «Все остается людям». Умный, философский фильм не оставляет никого равнодушным: ведь в нем искусство режиссера Г. Натансона, сценариста С. Алешина и, самое главное, мастерство замечательного артиста Николая Черкасова, исполнителя главной роли академика Дронова, поднимаются на такую высоту, с которой открываются дали, глубины могучей силы современника. Дронов в исполнении Черкасова беспредельно правдив по поступкам, привычкам, по эмоционально-нравственному миру своему. И в то же время правда его действий и поступков одухотворена искусством поэзии, мыслью, беспокойно ищущей выхода из сложных обстоятельств, в которые его ставит драматургия сценария. Уже сейчас можно сказать, что этот образ войдет в число тех открытий советского киноискусства, которые принесли мировую славу нашей кинематографии. Открытие тем более радостное, что оно связано с созданием образа нашего современника.

Я хорошо помню спектакль Ленинградского театра имени А. С. Пушкина, где Николай Черкасов играл роль академика Дронова. Помню, с каким душевным подъемом создавал этот образ актер мужественного таланта. Сейчас Черкасов не просто перенес со сцены на киноленту характер современника, он заново творил его для экрана, заново осмысливал поступки, внутренние движения своего героя. Все, что было найдено и «наработано» Черкасовым в процессе сценического воплощения образа, вошло, укрепились. Но кино и его возможности дали артисту как бы дополнительную «площадку» для углубления решения образа академика. Театр подготовил кинообраз, который поражает могучей силой душевного вдохновения.

Впрочем, это относится не только к Черкасову, но и ко всей пьесе С. Алешина «Все остается людям». Шесть лет назад драма прошла в Москве и Ленинграде. Вокруг нее спорили, ломались копыя критиков, но ведь драматург почти ничего не изменил и мало что добавил в киносценарий, по которому снимался фильм. Значит, осталась драма,

подтвердилась ее устойчивая жизнеспособность и художественность. Правда, драматург мог бы иначе развернуть некоторые образы, например Виктора Морозова и Ксении Румянцевой, сделать их более емкими в кино. И здесь он наверняка добился бы новых результатов. Мне кажется, что эти образы, хотя и в фильме и воссоздают талантливые актеры — И. Горбачев и Э. Быстрицкая, — не приобрели новых черт, остались образами театра, а не кинематографа.

И все-таки экранизация пьесы не стала просто киноспектаклем. Это фильм, в котором волнует, покоряет, ведет зрителя Николай Черкасов — прирожденный актер кино. Объектив кинокамеры запечатлел его в самых различных, иной раз контрастных душевных потрясениях. В грусти, печали, в порывах страсти, в подвиге, требующем огромного напряжения. Всюду перед зрителем человек упорного, мятежного вдохновения, удивительно стойкий и целенаправленный.

МЫ ЧАСТО сталкиваемся в кино с таким явлением: авторы изо всех сил хотят нас убедить, что тот или иной образ исключительно безупречного героя зрители должны полюбить и взять за образец. А они с холодным безразличием смотрят на стопроцентно положительного человека, произносящего прописные истины, попадающего в положения, в которых такому герою заранее обеспечен успех. Неудача этих образов часто обусловлена тем, что их действия лишены внутреннего драматизма, который необходим для того, чтобы судьба характера нас увлекла и была бы интересна.

Дронов в фильме — человек трудной, драматической судьбы. Он тяжело болен, и врачи опасаются за его жизнь. И он это знает. Знает, что ему осталось жить не так уж долго. Кому он может доверить свои замыслы, которые не успел осуществить?

По требованию врачей Дронов временно оставляет руководство институтом. Исполняющим обязанности директора назначается Виктор Морозов — один из учеников академика. Реактивный двигатель, над созданием которого трудился дроновский коллектив, проходит испытания на заводе. Испытания не дают должного результата. Где-то

допущена ошибка — в расчетах, в конструкции. Морозов втайне от академика начинает искать повод, чтобы уйти от ответственности. Он трус и паникер, изворотливый, хитрый интриган; ему удается уговорить Алешу Вязьмина написать письмо, ставящее, по существу, под сомнение всю работу дроновского института.

Дронов потрясен. Какое письмо? И Алеша, самый верный и самый талантливый ученик Дронова, оказывается, что написал он, что сделал это совсем по другим причинам, что просил его Морозов. А тот сразу же от всего отрекся. Женщина, любимая Вязьминым, только что согласившаяся стать его женой, говорит ему: «Негодяй!»... Не мог перенести Дронов предательства Морозова, оплошности Алешы и грубости Румянцевой. Слишком дороги они ему, и в каждом из них он видел частицы своего характера. Значит, просчитался, зря поверил...

С этого кадра сюжет фильма развивается еще обостреннее, затрагивая самые сокровенные человеческие отношения. Лежит в постели Дронов, беспокойный и напряженный. Алеша Вязьмин подал заявление об уходе из института.

В ящике письменного стола Алексея лежит письмо, адресованное Дронову. Глупо, конечно, но Вязьмин решил уйти из жизни.

А в это время Дронов, осунувшийся, бледный, обманув врачей, идет к Алеше. Видно, он понял, что сейчас особенно необходимо своему ученику. Сцена в квартире Вязьминых — одна из лучших в фильме. Ее великолепно проводит Николай Черкасов. Он появляется настороженный, сосредоточенный, тревожный. Пытается шутить, закавычивает яичницу, а сам вглядывается в лицо ученика, стремится прочесть скрытое, затаенное. Заглянул в ящик письменного стола, нашел письмо Алешы, вздрогнул, еще раз прочел страшные строки, и вдруг ему стало все понятно: Алешка в смертельной опасности! Где он, мальчишка, глупый ребенок! Стоя вырывается из глубины души Дронова — Черкасова. А если он опоздал?

— Алешка!
Вбегает Вязьмин, попадает в объятия Дронова, пережившего трагическое мгновение: слезы, счастливые слезы радости и надежды на глазах академика.

Вязьмин спасен! Можно и выпить, поиздеваться над дураком-комендантом, можно даже и пошутиться. Все можно, когда знаешь, что вернул человека к жизни. И эту радость, отданную людям, Черкасов передает с необыкновенной актерской чистотой.

Однако драматургия сценария

готовит для Дронова новые трагические потрясения. Вязьмин нелепо погиб. И с новой силой встает перед Дроновым вопрос: кто же примет от него творческую эстафету? Морозов недостойн этого, Вязьмин погиб. Осталась Румянцева. Но можно ли ей доверить, если она проявила черствость, оказалась косвенно повинной в смерти Вязьмина? Разве можно творить в науке, если не умеешь доверять человеку, тем более близкому человеку? И вообще, как жить без доверия, без уважения, без веры в людей? Дронов дает недвусмысленный ответ на эти вопросы: «Человек должен знать: после смерти он живет только тем, что сделал на земле. Все остается людям! И в этом оставшемся — бессмертие или забвение».

ФИЛОСОФСКАЯ тема фильма углубляется в сценах спора академика Дронова со священником Серафимом. Этот спор возник естественно и перерос в идеологическую дуэль: гуманист человек огромного опыта, смелый ученый побеждает религиозную проповедь служителя церкви. Это победа убежденного материалиста, победа самой жизни над силами мрака. Надо сказать, что у Дронова — Черкасова на сей раз достойный противник: в роли отца Серафима снимался А. Попов — артист исключительного дарования. В Серафиме исполнитель передает убежденность, мягкую, едва заметную вкрадчивость. Это опасный проповедник, ищущий слабые и обездоленные души, умеющий отстоять свои взгляды. Но эти взгляды опровергаются жизнью, активной дроновской наступательной позицией. Умирая, Дронов приглашает Серафима деспотить по главному вопросу: как жить? В смирении, в уповании на «загробное счастье» или же верой в человека, страстного создателя и борца? И жизнь Дронова — самый веский аргумент в этом споре.

Все остается людям. Жизнь. Будущее. Все, что сделал каждый из нас хорошего и доброго, достойного. Умирает только мрачная философия церковников, а жизнь не умирает. Не умирают такие люди, как Дронов, — искатели нового, люди дерзновенного творческого подвига.

Дронов остается жить. Среди людей, в делах своих современников. И в этом большая утверждающая сила фильма, в котором искусство Николая Черкасова ярким светом озарило жизнь человека и ученого, сделало ее примером для подражания.

В. ФРОЛОВ,
кинообозреватель «Московской правды».

Со сцены — на экран

Рассказывает Николай Черкасов

Образы, созданные на экране народным артистом СССР Николаем Черкасовым, останутся в памяти многих поколений кинозрителей. Актер огромного творческого диапазона, сыгравший такие разноплановые роли, как профессор Полежаев и Дон-Кихот, Паганель и Иван Грозный, представляет на суд миллионов зрителей свою новую работу в фильме «Все остается людям». Она выдвинута на соискание Ленинской премии. В беседе с нашим специальным корреспондентом Н. Черкасов сказал:

□ □ □

На снимке: кадр из фильма.

шу новую работу. Где раз приходилось мне в кино играть ученых, и всегда они были по возрасту старше меня. Дронов — моложе. Теперь уже не спрячешься за бородой, сединой, старческой походкой... А главное, герой картины — наш современник, яркий, с горячей кровью. Он показан не только как выдающийся ученый, организатор, общественный деятель, но и как человек, предельно демократичный, предельно добродушный к людям, которые для него важнее любых должностей и открытий.

Как известно, прототипом образа Дронова стал для С. Алешина академик Андронов, о котором я не раз встречался на сессиях Верховного Совета. На этот же образ вообразил в себя многие черточки и других замечательных ученых нашего времени — Фредерика Жолио-Кюри, И. В. Курчатова и многих других. Так же, как они, Дронов уходит из жизни, утверждая жизнь. И так же, как Дронов, они оставили людям дело, за которое отдали жизнь. Если зрители задумаются об этом после фильма, мы будем считать свою цель достигнутой.

Теперь надо думать о новых ролях. Конечно, хотелось бы вновь сыграть героя нашего времени. Но конкретно такой роли пока назвать не могу. Сейчас же с большим удовольствием принял предложение режиссера Александра Зархи. Он будет экранизировать на «Мосфильме» гениальный роман Льва Толстого «Анна Каренина» и пригласил меня сыграть Алексея Александровича Каренина.